

нием отметим, что такие вдумчивые вышеупомянутые авторы имеют общественный авторитет скорее не благодаря, а вопреки. Вопреки тому, что работники телевидения периодически упрекают их в необъективности. Вопреки тому, что на газетных полосах их выступления ограничены одним разом в неделю. Вопреки тому, что на страницах общественно-политических и деловых изданий не возникает дискуссии о предназначении и сущности медиакритики. Тем не менее, судя по комментариям, оставленным читателями на сайтах изданий, эти авторы имеют свою аудиторию, которая ждет каждого материала.

Думается, что без участия самих СМИ, без организации на их страницах дискуссии по проблемам современной журналистики и ее критики вряд ли возможно добиться внимания общественности к данному вопросу. В изданиях для журналистов регулярно можно прочесть материалы, содержащие анализ функционирования современных СМИ. А вот о проблемах телекритики за последние 13 лет в профессиональных изданиях опубликовано всего пять (!) материалов. Чтобы предметно вести разговор о медиакритике, необходимо, чтобы журналисты знали о ее цели и задачах. Только тогда можно начинать профессиональную дискуссию по поводу ее качества и необходимости. Быть может, обсуждение в конечном итоге и даст определение статусу российской медийной критики. Но сколько для этого должно пройти лет?

Наталья Булацкая

Белорусский государственный университет культуры и искусств

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЯХ КУЛЬТУРЫ

Типичным продуктом, специфической формой функционирования культуры в современном обществе все чаще называют массовую культуру и массовую литературу. К ним у образованной части публики отношение довольно скептическое и даже пренебрежительное. Но вспомним о том, что, например, греческие кувшины, амфоры, сегодня хранящиеся в лучших музеях мира, в далекие неиндустриальные времена были керамическим ширпотребом. Или греческая эпиграмма, которая в свое время тоже была ширпотребом, хоть и литературным, сегодня вызывает восхищение. Ширпотреб предполагает наличие массового потребителя. Изготовление тех же кувшинов древности – часть «культурного» производства. Следовательно, греческий кувшин и греческая эпиграмма – образцы массовой

культуры и массовой литературы. И то, и другое были нужны обществу. Рассуждения о культуре выводят на вопрос о норме или мере ее уровня. Уместнее, считаем, говорить не о «массовой культуре» или «массовой литературе», а об уровнях культуры и литературы. Существуют ведь уровни чтения и понимания литературы, напрямую зависящие от уровня культуры человека. Например, информационный уровень, по сути поверхностный, не развивающий в должной степени художественное восприятие. Или развлекательный уровень, при котором главное – отдохнуть, занять свободное время, особо не трудясь над анализом потребляемого, не докапываясь до глубины, до сути. Неизбежно возникают вопросы: кем, когда эти нормы введены; куда – вправо, влево, вверх, вниз – культура распространяется; где и какова точка отсчета? Некоторые ученые (например, М. Гаспаров) считают, что культура распространяется «вширь» и «вглубь». Захват культурой новых слоев общества – «вширь», но это процесс поверхностный, упрощенный в формах. «Вглубь» означает творческое, более глубокое, более сложное преобразование. Так, XVIII в. русской культуры – распространение вширь, начало XIX в. – вглубь, середина и вторая половина XIX в. – вширь, начало XX в. – вглубь, при социализме – вширь...

Уровень культуры меняется на каждой новой ступени развития общества, в разные времена, но при этом в любую эпоху говорят о нем. Познание безгранично, оно открывает новое, следовательно, некорректно говорить о предельном, «верхнем» уровне. Все постигается в сравнении. И все относительно и изменчиво. Сорняков много, однако человек любит не лебедой, а розой или анютиными глазками.

Думая о будущем и даже о завтрашнем дне, нужно повышать уровень образованности людей, порождая таким образом высокую культуру (оговоримся: каждым новым поколением она создаваться заново не может). И она должна быть нравственной. Ни одну из насущных задач даже экономического плана не решить власти и народу с суженным душевным пространством, с безнравственностью. Выход – противопоставить низкому высокой культуре, высокому искусству, высокой образованности. Это перспективно экономически и целесообразно. Нужны новые, инновационные проекты, новые методики развития интеллекта, направленные на формирование ключевых компетенций, воспитание нравственности, формирование личности.

Литература – искусство человеческого познания и почва для человеческого взаимопонимания. Но и культура – искусство и почва для челове-

ческого взаимопонимания. При этом и литература, и культура эклектичны. Человек выбирает то, что более соответствует, ближе, интереснее его внутреннему миру, состоянию ума и души. Это даже можно назвать «вкусом», который нужно развивать, его воспитанием управлять.

В культуре есть ракурс, называемый культурным контекстом. Важно попасть в свой контекст, в свою аудиторию, ибо художественное творение, попадая в чужой контекст, может утратить, потерять смысл и значение. Невозможно, игнорируя диалектическую сложность связей, культурный контекст, раскрыть многосторонность реальных проявлений умственной и душевной деятельности человека в области культуры.

Белорусское телевидение недавно показало публике четвертую экранизацию романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир», версию, предложенную западными кинематографистами. Бюджет кинокартины составил 26 млн евро. Проведенный среди студентов одного из белорусских творческих вузов брич-опрос дал такой результат: фильм раскритиковали за «нерусскость» (52 %), за неудачный подбор актеров (38 %), за поверхностное прочтение литературного произведения (10 %). Специалисты на первое место поставили «поверхностное прочтение произведения» и большое количество ошибок исторического характера. Продемонстрировав расплывчатость понимания взглядов Л. Н. Толстого, авторы фильма дали свой вариант прочтения романа. Судя по бюджету, рассчитывали на массовую аудиторию. Получилась, на наш взгляд, имеющая сегодня распространение форма функционирования кинокультуры, которую отличает переключение зрительского внимания с проблемного осмысления литературного произведения на зрелищное восприятие, развлекательность и все то, что формирует стандартность мышления и потребительство. В результате произошло омассовление литературного явления, которое приведет к омассовлению сознания, а последнее – к омассовлению культурного явления, шире – культуры. Нужно ли драматизировать негативизм такого прочтения классического произведения? Возможно, кто-то даже начнет читать, как это произошло после экранизаций «Идиота» Ф. Достоевского, «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. И это надежда, ибо за последние несколько лет количество россиян (а белорусов?), которые вообще не читают книг, выросло с 36 % до 47 % (!). Тогда уместно ли негодование по поводу омассовления сознания, которое ведет к омассовлению культуры? Может быть, уж лучше массовая культура, чем массовое бескультурье? Так добро или зло принесло публике белорусское телевидение демонстрацией этого кинофильма?